

VII.

Носильщик.

Пристань на Днепре, где останавливались мелкие торговые суда и буксирные пароходы, была самым оживленным местом в целом городе. Эта пристань поддерживала значение города, так как она служила остановочным пунктом для всех судов, направлявшихся с верховьев Днепра в море. Здесь происходила перегрузка товаров с барок и мелких судов на пароходы и большие суда или паровые баржи, потому что кое-как сколоченные барки не годились для морского плавания и, разобранные по частям, служили предметом груза в виде дров для топки и строевого леса. Не будь этой пристани, город давно исчез бы с географической карты, поэтому граждане справедливо гордились ею.

Самая оживленная работа шла здесь весной и летом. Тогда перегрузка производилась непрерывно; и с раннего утра до поздней ночи раздавались крики носильщиков и шум ломовых телег. Но и зимой здесь далеко не было затишья. Капризная южная зима научила судовладельцев всегда быть наготове. Иногда среди зимы, после крепкого мороза, вдруг настает полная оттепель, и Днепр приходит в движение. Тогда на пристани подымается суета. Там нагружаются товары, здесь подвозят и прицепляют к готовым судам буксирный пароход, который, натужась и пытая,

медленно тащит среди плавающих льдин целый ряд барж и суден, пока не приведет их в море. А в море — раздолье. Там нет льда, и приходится ждать только попутного ветра.

Преобладающий люд на пристани — носильщики. По внешнему виду это самые грязные и неуклюжие существа в мире. Холщевые рубашки и такие же штаны по десяти раз в день меняли свои цвета, смотря по цвету товара, который переносили спины носильщиков. Мука, краски, каменный уголь, известь — все это поочередно оставляло на них свой след, делая их лица то смешными, то страшными. Привыкнув постоянно гнуться под тяжестью, они и в свободные часы ходили с полусогнутыми спинами; грязь, ежечасно пристававшая к их рукам, западала глубоко в трещины мозолей и никогда не отмывалась, — поэтому ладони их, широкие, тяжелые и неуклюжие, казались как-то нелепо татуированными. Люди эти жили между собой дружно, но никогда не говорили друг другу о своем прошлом, и никто из них не спрашивал об этом у своего соседа, потому что почти у всех их в прошлом было темное пятно. Труд носильщика — самый тяжелый и бедно оплачиваемый. Поэтому сюда идет тот, кому больше некуда деваться.

В часы работы они смотрят угрюмо и мало разговаривают. Разговоры их состоят из коротких фраз, почти всегда ругательных, и притом из таких ругательств, которые созданы здесь, на пристани и кото-

рых в другом месте не услышишь. Но в часы отдыха эти люди становятся веселей и разговорчивей. У пристани стоит обширный и грязный кабак, который существует почти исключительно для носильщиков. Здесь они большой компанией проводят все свободные часы, пропивая весь свой заработок, шумя и крича, болтая и ругаясь и часто кончая дракой. Это их клуб, в котором они забывают о всех своих связях житейских. Иногда здесь появляются женщины — грязные и жалкие представительницы самого низменного, самого дешевого разврата. Иногда выпадает счастливый денек, когда к вечеру у них особенно болят спины, а в карманах звенит мелочи больше, чем обыкновенно. Тогда они расширяют поле своей деятельности, идут в город и посещают трактиры нисшего разбора.

После пятимесячного пребывания в этой компании, Панас уже ничем не отличался от своих товарищей. Он был так же грязен, так же груб, и речь его была уснащена такими же ругательствами, как у прочих. Он не отставал от товарищей и в пропивании своих заработков. За неделю в кармане у него оставался свободным какой-нибудь полтинник, который он относил мамке. За пять месяцев он всего два раза побывал у Степаниды. Когда она увидела его в первый раз, — на нее нашел столбняк: так груб и дик был его вид. А речь его, уснащенная отборными словами, вырывала из груди ее тяжелые вздохи. Но она попрежнему

прижалась к нему, не слыша ни запаха водки, ни отвратительных ругательств (он сыпал их на голову не одюй матушки, а и всего Панычева); ей представлялся другой Панас—нежный, застенчивый юноша, красивый и статный, которого она знала когда-то. О, как она страдала, когда глаза ее видели другого—грубого, развращенного ругателя, пропитанного запахом спирта.

— Что мне? Кого мне жалеть?—хриплым голосом говорил ей Панас, ударяя кулаком по столу.—Мамку? Ге! Все равно—ее теперь не оторвешь от водки! Хотя ты ее в золото одень, — все пропьет! Тебя? А ты разве пошла бы со мной, куда глаза глядят? Как же? Придет муж—небойсь, про Панаса и помину не будет! Ха-ха! Как же, знаю я вас! Все на один лад. А ей, ей (он указал кулаком в ту сторону, где был дом матушки).. ей это так не оставлю. Заплачу, дай только крыльям вырасти... В Сибирь пойду, а заплачу... Да и всех этих панычевцев я живьем в землю закопал бы. Тут только и есть две души — твоя да Еремина...

Степанида не осмелилась возражать, пугаясь его страшного взгляда и лица, налившегося кровью. Теперь она отдалась бы ему из одного страха, если бы даже не любила в нем прежнего Панаса.

В одну из осенних ночей, когда в ожидании первых морозов на пристани была спешная нагрузка судов и у носильщиков в карманах звенело много

мелочи, — огромная компания, напившись предварительно в своем клубе, отправилась по городским кабакам. Когда перевалило за полночь, они пошли к окраинам города и стали стучаться в дома, освещенные парой фонарей. Они были так страшны, что их не хотели впускать даже в эти неразборчивые дома. Но они шли напролом и врывались туда силой. В одном из таких домов Панас встретил Соньку. Это была очень странная встреча. Панас широко раскрыл глаза и в первые мгновения ничего не мог сказать.

— Вот где она! — наконец промолвил он.

А Сонька стояла перед ним и покатывалась от смеха. Она была в ярком наряде из светлого ситцу. Грудь ее была почти обнажена. Она нетвердо держалась на ногах, потому что в этот вечер много выпила.

— Хохочет! — сердито процедил сквозь зубы Панас.

Однако, она увлекла его в отдельную комнату. Здесь она была совсем уже другая. Ее подвижность и смешливость исчезли и на лице выразилась крайняя усталость. Она долго не спускала глаз с Панаса.

— Какой ты стал! — тихо промолвила она.

— Да! Не таким еще станешь! Потаскала бы мешки не пристани! — угрюмо ответил Панас. — Как это ты сюда попала?...

— Попала! По тебе заскучала, ха-ха! Думала — приду в город, а тут и Панас навстречу. А Панаса с собаками не найдешь!.. Два дня бродила, да с голоду сюда и пришла!.. Уже два месяца!..

— Что ж? Пойдем со мной! Тут гадость!..

— Ха-ха! Мешки таскать? Чего мне? Мне тут хорошо!

— Хорошо?—пытливо поглядел на нее Панас.

— Преотлично! Видишь?—и она указала на свой костюм.

— То-то ты и пьяна, как... как моя мамка!..

— А ты, небойсь, трезвехонек!? Ха-ха! — захотала Сонька.

— И чего она хохочет? Дура!—рассердился Панас, которого коробил этот глупый смех.—Должно-быть, обоим нам одинаково хорошо!..

— Не пойду я с тобой! Зачем тогда не взял, когда ушел? — продолжала Сонька, но уже совершенно серьезно.

— Ха! Да ты думаешь, я стану гоняться за тобой?! «Не пойду! Зачем не взял!» А не пойдешь, так и чорт с тобой! Кисни тут... все одно как в тюрьме!.. Что, думаешь, мне любовь твоя, что ли, надобна?.. Я так, по дружбе, потому вместе натерпелись от нее, от проклятой, — чтоб ей никогда никто добра не сделал!.. А она—«не пойду!»—Не ходи!

Панас поднялся и хотел уйти. Сонька подбежала к нему и обвила его шею обнаженной рукой.

— Панас, голубчик, останься!—молящим голосом произнесла она.—Я это так тебе сказала. Надоело мне здесь, вот как надоело (она провела рукой по своей шее). Противно. Все чужие, незнакомые, пья-

ные! Дерутся, ругаются! Я пошла бы, да не пустят. Я вся в долгу!

— Уже. А много?—спросил Панас.

— Карбованцев с тридцаты!

Панас сел и задумался. Он решил в душе своей, что Соньку необходимо выкупить. Ему почему-то хотелось оказать ей большую услугу. В ней было для него что-то родное. Вот он встрепенулся и откинул назад волосы.

— Э, будут! Умру, а будут!—решительно сказал он, и в одно мгновение в голове его возник дикий, смелый, решительный план.

— Э! все равно—пропадать! Так уж пусть будет за что. Хуже славы не наживешь.—И он сильно потрянул головой, как бы в знак того, что ему нисколько не жаль этой самой головы.

В эту ночь Панас отстал от своих товарищей.

Когда он расстался с Сонькой, их уже не было. Он не пошел на пристань. Охваченный теплотой южной ночи и отуманенный винными парами, он чувствовал позыв к какому-нибудь решительному, опасному делу. Он пошел за город и, дойдя до слободки, повернул к Параскиной лачуге. Там было тихо и темно..

«Должно быть, заснули голодные!—подумал Панас:—и выпить было нечего!»—прибавил он, и ему стало жаль мамку и Фроську, потому что им нечего было выпить.

Он постучал в окно. Вышла Фроська.

— Мамка спит?—шопотом спросил Панас.

Фроська кивнула головой.

— Слушай!—и Панас стал быстро говорить ей что-то почти на ухо. Фроська только кивала головой и принимала к сведению.

— Смотри же! У старой мельницы! Раньше зари. Я сейчас иду. Он верный?—спросил Панас в заключение.

— О! Все одно, как ты сам для себя!—ответила Фроська.

Она была бледна и дрожала. Хотя она и была готова на все, но это уж было нечто очень крупное и опасное.

— Смотри же! Потому—я пропаду, так и тебе не сдобровать. Да и все вы тогда прахом пойдете!..—Панас сделал уже шаг, чтоб итти, но в это время Фроська пошатнулась и отскочила в сторону, точно отброшенная какой-то посторонней силой. Панас почувствовал, что чья-то рука вцепилась в его руку. Он оглянулся и увидел Параску.

— Ой, Панас! Не ходи! Голубчик, не ходи туда!—шептала она, в то время как Панас делал усилие вырваться.

— Что вы, мамка? Спятели, что ли? Пустите! — грубо отвечал Панас.

Но Параска, повидимому, решила употребить все силы, чтоб удержать его.

— Не ходи, Пана-а! Я знаю, куда ты идешь! Вы тут шептались, думали—я сплю! А я все слышала! Ой, не ходи, не ходи! Послушай свою старую, пьяную мамку!.. Пана-а!

Панас порывисто двинулся вперед и сделал несколько шагов; Параска свалилась с ног и, не выпуская его руки, тащилась за ним. Тогда Панас остановился и злобно оглядел ее.

— Пустите, мамка, а не то...—и он занес над ее головой правую руку, энергично потрясая кулаком в воздухе.

— Ну, убей, ей-богу убей! А только не ходи!—с отчаянием шептала Параска. — Чуешь? Не ходи! Потому—там тебе конец будет!.. А я все же таки мать! Пьяная, а все-таки...

Но в это время Панас рванулся вперед с такой силой, что Параска со стоном отскочила в сторону.

— Не хо-ди! Пана-а!—прохрипела она вслед ему, но он уже не оглядывался.

— Пьяная дура!—сердито проворчал он.—Жрать нечего, а туда же лезет.—И он скорыми шагами направился к белевшей невдалеке большой дороге.

Он шел хорошо знакомой дорогой в Панычево. Вон внизу показались панычевские плавни; вон виден помещичий сад, а вон и батюшкин дом с обширным горбодом, и Панас зашел со стороны горбда. Когда он подошел к воротам, к нему свирепо кинулась стая собак, но в ту же минуту, не успев издать ни

одного звука, они узнали своего прежнего повелителя и завиляли хвостами. Барбос с восторгом кидался ему на плечи и лизал ему щеки. Панас оставившись и принялся разглядывать, что делается на горóде. По его соображениям, в теплую осеннюю ночь кони не должны были оставаться в конюшне. Им место было на дворе, под открытым небом, у скирды свежего сена. Тут же неподалеку должен спать Степка, в качестве сторожа. Но Панас очень хорошо знал, что это был за сторож. Проснуться среди ночи его заставишь разве раскаленным железом. Он прошел на горóд. Все оказалось так, как он рассчитывал. Тройка лошадей мирно жевала сено у скирды, из-за которой таинственно раздавался счастливый храп Степки. Добыча сама лезла в руки. Панас, как хозяин, отвязал лошадей, но увидел, что на них нет уздечек, а только «обротьки», которыми нельзя зануздать. Безмятежный сон Степки, приятельская встреча с собаками и остатки хмеля— все это породило в нем какую-то преувеличенную храбрость. Он вновь привязал коней, направился в конюшню, захватил пару уздечек и вернулся на горóд. Все это он делал с толком, не спеша, не как вор, а как человек, желающий совершить свое дело основательно. Среди двора, съезжившись, спала какая-то баба, должно быть—Улита. Она проснулась и подняла голову, но потом опять опустила ее и продолжала спать. Очевидно, она приняла Панаса за Степку.

Еще бы. Какой же вор станет так смело расхаживать по двору? Да никому это не пришло бы и в голову. Панас снял «обротки» и на место их надел уздечки и тихо повел пару коней в ворота, которые выходили в поле. Из-за скирды же продолжал раздаваться безмятежный храп Степки. В степи он вскочил на одного из коней и, искусно намотав на руку конец уздечки другого, помчался безлюдной степью несколько наискось от города.

— Ха-ха!—смеялся он.—Ну, сторожа же. Ха-ха! Попробовал бы кто это сделать, когда я был у нее... Взял бы, как же! Да я бы ему обе руки оторвал, а не дал бы!..

И Панас всю дорогу издевался над Степкой по поводу того, что тот не оторвал ему рук.

У старой мельницы, что без всякого дела торчала на север от города, на расстоянии версты от него, Панас передал свою добычу «верному человеку». «Верный человек», по всем признакам, принадлежал к цыганскому племени, члены которого целым лагерьем палаток раскинулись за городом, занимаясь днем кузнечным мастерством, при чем, кажется, по целым неделям ковали все одну и ту же подкову, потому что никто не давал им работы,—а ночью воровством, чем собственно и питались. «Верный человек» был крупный и плечистый детина с курчавой головой и длинными усами на темном лице. Когда он смеялся, два ряда белых, как молоко, зубов его

поражали своей красотой. На нем был длинный синего цвета кафтан и черная барашковая шапка. Панас молча передал ему коней.

— Я тебя видел!—сказал «верный человек»:—у Фроськи! Ты выходил, а я входил!..

— Ага!—рассеянно ответил Панас:—дело верное?

— Как то, что мы с тобой в первый раз разговариваем! Дай бог, чтоб не в последний! Барыши пополам!

И «верный человек» сел на коня и исчез во мраке. Панас шел по направлению к Параскиной хате.

VIII.

Панычевские события.

Панас уже больше не заглядывал на пристань. Трудно было сказать, где находилось его постоянное местопребывание.

Его можно было видеть на базаре, в Параскиной лачуге, в кабаках и публичных домах, а если приглядеться попристальнее, то и среди степи в ночное время, бешено скачущим на лошади. Он не имел ни постоянного пристанища, ни определенного источника доходов. Но источники тем не менее у него были, и притом очень капризные, как о том свидетельствовал его внешний вид. То он являлся в Параскину землянку в новом кафтане из темно-синего сукна, в больших сапогах и даже в сорочке с ман-

жетами. Тогда он походил на заезжего купца, приехавшего издалека скупать товары местного производства. И этот костюм очень шел к его смуглому лицу, кафтан плотно стягивал его талию и выпрямлял спину, привыкшую гнуться под тяжестью кулей на пристани. В другой раз на нем висели жалкие остатки холщевой одежды носильщика, потому что свой купецкий костюм он закладывал в кабаке. И в этой грязной одежде он ходил, не смущаясь, до тех пор, пока новая удача не позволяла выкупить из кабака кафтан и сапоги. Знакомства его сосредоточивались преимущественно в том месте, где цыгане раскинули свои шатры. Во многих палатках он проводил время, как свой человек, но больше всего водился с «верным человеком», потому что он действительно оказался верным и добросовестно делил добычу пополам, принимая на себя весь риск предприятия. Сонька была выкуплена, но неизвестно, получился ли от этого какой-нибудь толк. Она хотела жить с Панасом, следовать за ним по пятам, разделять его участь, но это было невозможно. Ремесло Панаса заставляло его не иметь определенного пристанища, да и Панас вовсе не имел желания повсюду таскать ее за собой. Пришлось поместиться ей у Параски.

Здесь, в Параскиной лачуге, произошли большие перемены. Землянка была заново вымазана извне и изнутри. В окна, на место сахарной бумаги, были вставлены настоящие стекла. В самой хате пол был

тщательно вымазан желтой глиной, и на нем появилась мебель: стол, лавка, две кровати, кой-какая посуда. В исправленной печи каждый день топилося и варилось, и Панас мог утешиться, что идеал житья, которого он искал для мамки, осуществился. И как же весело было в этой хате! Чуть только успело закатиться солнце, хата наполнялась гостями. Это были по преимуществу люди военные. На столе появлялся штоф, а в запасе имелся другой. Была тут и закуска. И вот, начиналась попойка, кончавшаяся к утру, когда гости и хозяева, охрипнув от окриков, ругательств и песен, потеряв сознание, сваливались в общую кучу и засыпали, слабо отличая мужчину от женщины. Сонька как нельзя больше вошла во вкус такого времяпрепровождения и находила, что веселей этой жизни нельзя сыскать. Она даже нисколько не претендовала на Панаса за то, что тот не обращал на нее внимания. Панас же, между тем, никогда не присутствовал на этих попойках. Он теперь боялся многолюдного общества, находил другие, более безопасные места, где не менее весело, чем с Параскиными гостями, и там проводил время, а неизменным компаньоном его был «верный человек», который никак не хотел выпустить его из рук и ради этой цели предоставлял в его распоряжение и свой шатер, и свою жену, и свою черноглазую дочку.

Один только раз собрался он к Степаниде. Это было осенью. В глубокую осеннюю ночь пробрался

он в Панычево и постучался к ней. Как она была поражена его видом! Сначала она было не узнала Панаса в его молодецком кафтане, в панской сорочке и с большим серебряным перстнем на руке. Но потом она быстро сообразила, что произошло нечто недоброе. И вдруг к ней вернулся тот страх, который она впервые ощутила, когда он явился к ней носильщиком.

— Не узнала?—спросил Панас.—Это—матушкины кони! Что? Побелела? Трясешься? Ага!..

— Матушкины?!—тихо переспросила Степанида.— А может и помещицьи, и Мурашкины и Воденюковы?.. А?

— А может и... может. А ты помалкивай!—грубо произнес он и кинул в ее сторону сердитый взгляд. В последние два месяца действительно были уведены кони у помещика, у Мурашки, и у Воденюка.

— Где же ты живешь теперь?—спросила Степанида.

— Где я живу? Нигде! Разве такому, как я, полагается?.. Хе! Так, где случится!.. А мамка на слободке, все там!.. Хату подмазали! Ничего, веселей стало! Пьянствуют!..

Панас замолчал и принялся что-то обдумывать.

— А ты, Степанида, не бросишь?—спросил он.

— Кого?

— Хату свою и Панычево, и всю эту дрянь? Ишь, они, должно быть, грызут тебя, окаанный народ!.. Вон какая ты стала! Смотреть больно!

Степаниду действительно «грызли». В селе уж открыто говорили, что она живет с Панасом, что Панас заходит к ней по ночам, и что, чего доброго, она помогает ему укрывать ворованное добро. И Панас говорил правду, что на нее больно было смотреть—так она постарела и похудела за эти последние недели.

— Нет, не брошу!—тихо ответила она.

— А я бы тебе в городе славную хату нашел!.. Часто заходил бы... Бросай, Степанида!.. Чуешь?

— Не брошу я!.. Знаешь, Панас!.. Не ходи ты ко мне!.. Позабудь!.. Или брось это дело поганое!.. Лучше брось!.. Ей-богу, брось!.. Тогда я пойду с тобой, куда хочешь!.. На край света пойду!..

Панас встал и выпрямился во весь рост.

— Боишься, значит?!—злобно промолвил он.— «Брось и иди мешки таскать!» Ха-ха! Н-нет, я не брошу! Не для чего мне бросать! Все равно—теперь нигде не примут! Уже обесславили Панаса на всю губернию!.. А кто обесславил? Свой же брат мужик! И еще когда я ему никакого зла не делал!.. Нет, они меня еще не узнали, а узнают! Я покажу им, что я такое! Ежели кричат они всюду про Панаса, что он вор и разбойник, так пускай же так оно и будет!.. Прощай, Степанида!.. Пускай тебе бог даст всякого добра!.. Не буду я больше бесславить тебя!..

Степанида неслышно плакала, закрыв лицо руками, но у нее нехватило сил остановить его. С зами-

рающим сердцем глядела она ему вслед, когда он выходил из хаты, и слышала скрип запирающейся двери. Она поняла, что все кончено, кроме позора, который навсегда останется связанным с ее именем. Поняла она и то, что теперь уж не нужна Панасу. И по мере того, как в ее душу проникало это сознание, в сердце поднималась и закипала злость. Гигантски-быстро вырастала эта злость, и вот она уже охватила ее всю и мигом высушила слезы на ее глазах. Нет, она уже не могла плакать. Всеми силами души своей она теперь ненавидела Панаса, ради которого так легкомысленно опозорила свое доброе имя и который теперь выбросил ее, как ненужную, истершуюся тряпку.

А позор ее был велик. Все проклятия, вызванные несчастиями последнего времени в Панычеве, сыпались на ее голову, потому что ее голова была ближе, чем виновная голова Панаса. На нее указывали пальцами, с ней не хотели разговаривать.

А события в Панычеве приняли угрожающий характер. Началось это с батюшкиной пары. Матушка ни на минуту не сомневалась, что это была «Панасова штука». Кому же больше? Кто так хорошо знает ее домашние порядки, характер Степки и даже помещение уздечек? В особенности уликой Панасу служило смелое похищение уздечек из конюшни. Наконец, кому бы позволили ее собаки беспрепятственно увести коней? Все знали, что это были за

собаки. Попадись им—в клочья разорвут. И так, было ясно, как день, что кони уведены Панасом. Не прошло и двух недель, как не стало тройки в помещичьей конюшне, и всякие розыски оказались безуспешными. «Слава богу, мужика не трогает»,—утешались промеж себя панычевцы и были несколько поражены, когда исчезло по паре коней сначала у Мурашки, а потом у Воденюка. Тогда панычевцам оставалось только одно утешение: Мурашка и Воденюк были мужики богатые. Но вот разносится слух об исчезновении лошади у одного хозяина средней руки, потом у другого, у третьего... Очевидно, вор уже больше не хотел отличать богатого от бедного. Тогда в Панычеве поднялся вопль. Озлобление увеличивалось еще вследствие того, что в числе пострадавших не было обоих корчмарей, и почтенные кабаковладельцы, повидимому, даже не боялись, что их ожидает общая участь. Их клячи стояли в ночное время на горде, под открытым небом, без всяких сторожей и оставались неприкосновенными. Между тем, у мужиков уводили последнюю лошадь из-под носа. «Э, проклятые кровопийцы. Должно быть, у них тут руки не чисты»,—говорили мужики и зорко следили за кабатчиками, но ничего не уследили.

С легкой руки матушки решительно все были уверены, что эти недобрые дела принадлежат Панасу. Мало-по-малу начали сговариваться о мерах сообща и однажды собрали даже для этой цели сход. На

сходе выяснилось, что к поимке Панаса нет никаких путей. Больно уж ловко он обделяет свои дела. Уж, кажется, и стерегли, и запирали в сараи, и дежурили по ночам,—а он все таскает да таскает. Самое большое зло в том, что он—свой человек, что в Панычеве он вырос и знает все закоулки и порядки. Его знала и жаловала вся деревенская псарня, так что собаки не только не оказывались сторожами, а можно сказать, помогали вору. И сход ровно ни к чему не пришел бы, если бы не выступил из толпы один из самых бедных мужиков, и притом недавно самым бесчеловечным образом ограбленный. У него увели лошаденку, которая была единственным его достоянием, и с потерей которой у него опустились руки. Звали его Яковом Майбородой. Это был мужик средних лет и среднего роста, костлявый и некрасивый, с лицом пепельного цвета и жиденькой, белявой бородкой. Он глуповато поманил рукой, словно подзывая к себе земляков для секретной беседы. Потом он нервно закивал головой, что делал всегда, когда хотел что-нибудь сказать, и наконец вымолвил:

— Ст... Ст... Степанида!..

И в этом состояла вся его речь. Всего одно слово сказал Яков Майборода, но этого было довольно, чтобы в головах всех земляков разом возникла гениальная мысль.

— Правда! Правда! — слышались тихие голоса.—

Она знает. Ее надо прижучить!.. Гляди же, земляки, помалкивай!.. До ночи!..

Отрывочные замечания в таком роде переходили из уст в уста, и как-то само собой решилось и всеми было понято, что необходимо действовать через Степаниду. Земляки разошлись со схода молча, как заговорщики, и во весь этот день самым добро-совестным образом избегали всяких разговоров с бабами, боясь обмолвиться о мирском решении. Ведь, бабе только слово скажи—как в ту же минуту весь свет узнает и то, что есть, и то, чего никогда не было и не будет.

Степанида была уже в постели, когда ей почудилось, что раздались сильные удары в дверь. Она схватилась и, впопыхах накинув на себя кое-как верхнее платье, зажгла свечу. Это, конечно, не Панаас пришел. Он никогда не стучит так громко. Или, может быть, он напился и пришел затем, чтобы окончательно нанести ей позор на всю деревню? Удары повторились сильнее. Она пошла в сени и отперла дверь. Толпа земляков ввалилась с разгону и чуть не свалила ее с ног. Они были в полушубках, с батогами и дубинами в руках. Степанида почувствовала, что у нее как будто останавливается дыхание, она онемела и не могла произнести вопроса.

— Доброй ночи, Ковалиха!—промолвило несколько голосов разом. — Вот... мы к тебе честью пришли!.. Эй, братцы! Поддержи ее!

Поддержка была необходима, потому что Ковалиха, бледная, обессиленная, зашаталась и готова была упасть. Ее поддержали и повели в хату. Здесь усадили ее на лавку. Она оправилась и уставила глаза на гостей, словно собираясь внимательно слушать.

— Слушай, Ковалиха! Грех твой всему селу известен... Мы тебя не осуждаем, и пришли, говорим, честью... Ты одна это можешь...

— Чго я могу?—почти прошептала Степанида, не спуская глаз с говорившего.

— Можешь ты довести нас до этого разбойника, грабителя, который все село помутил... Честью мы тебя просим!..

Степанида тупо смотрела на них, как будто не понимала, в чем дело.

— Честью, Степанида, честью!—повторяли мужики.

Но Степанида не двигалась.

— А коли не хочешь честью, так и силой возьмем,—послышался громкий, грубый голос из толпы.

— Силой?..—Степанида вскочила с лавки.—А что ты с меня силой возьмешь? А? Меня?.. возьмешь? А язык, язык... можешь ты заставить его сказать слово? А?

И она гордо оглядела всех незваных гостей. Мужики укоризненно поглядели на своего товарища.

— Силой мы не хотим! Это он пустое смолол!.. А ты посуди: он прямо, как зверь лютый, ограбил всю деревню. У самого бедного мужика последнюю

коняку увел!.. Как же он после того не вор, не грабитель? Да и тебя, Степанида, он бросит... Это ты уж поверь нам!..

— Меня?.. Уже бросил!..—как-то непроизвольно вырвалось у нее.

— Вот то-то оно и есть!..

— А если я сама не знаю?.. Я никогда не была у него!.

— Ну, как же тебе не знать, Степанида? Не была, так он тебе сказывал!.. Нельзя же без этого!.. Ты нам хоть следы покажи!

Они не замечали, что у Степаниды в это время был почти безумный взгляд. Никто из них не знал, что накопилось у нее в душе с тех пор, как Панас в последний раз был у нее, какая буря там клокотала и сколько раз ей приходила в голову мысль—пойти, отыскать его, сдавить ему горло за то, что он опозорил ее и бросил, как ненужную вещь,—бросил так легко, будто знал ее всего один день, и словно она не отдала ему свою честь, свою душу и всю себя. Обрадовался, что она сказала ему тогда: «не ходи ко мне»; точно не знал, что она не остановилась бы перед позором и всюду пошла бы за ним, если бы видела, что он этого хочет. И в эту минуту в голове у нее возникла мысль—разом отомстить ему за весь позор, а там... Там уже конец придет сам собой.

Она молча, порывисто напяливала свитку и платок и надевала башмаки.

— Едем!—крикнула она, и земляки расступились перед ней и дали ей дорогу.

Пять телег, нагруженных мужиками, мчались по направлению к городу. На передней сидела Степанида. Она молчала, и никто не решался заговорить. Земляки понимали уже, что Ковалиха находится в каком-то особенном состоянии исступления, что «на нее нашло». Каждый боялся своим неосторожным словом «привести ее в рассудок». Вот уже видна слободка, и Степанида видит, что в одной из землянок слабо мелькает огонь. Она припоминает частые описания Панаса и решает, что это, должно быть, и есть Параскина хата.

— Там! — говорит она совсем тихим голосом, словно боится, что этот звук долетит до землянки и предупредит Панаса. Телеги остановились, и пятеро мужиков пошли на огонек.

Нужно же было именно в эту ночь Панасу прийти ночевать к мамке. Он сидел за столом в своем франтоватом наряде, бабы уже расположились на кроватях. Когда запертая дверь с треском разлетелась и перед ним, словно из земли, выросли пять знакомых лиц—и все это были дюжие молодцы,—Панас не только не струсил, а даже рассмеялся. Трусить или предпринимать что-нибудь было поздно. Бабы даже не крикнули, а как-то бессознательно спрятали головы под подушки и, притаив дыхание, замерли.

— Нашли-таки! Надыбали!—с стоическим равно-

душием промолвил Панас и с деланным достоинством дал связать себя канатом.

Во все время, пока его вязали, он старался показывать полное равнодушие и презрение к опасности, ожидавшей его.

— Ага! Не бойсь, узнали, что такое Панас! Ха-ха! Шкуры заболели. Я вам показал себя... А тогда все набросились, как на паршивую собаку... Ха-ха!

Но такие благородные речи не мешали лицу его быть мертвенно-бледным, а голосу дрожать. В сущности он знал, какая пытка ожидает его, и ясно представлял себе весь ее ужас. Мужики делали свое дело молча, а когда привели его к товарищам и усадили на заднюю телегу, то замолчал и Панас. Здесь он окончательно упал духом, его покинула вся напускная храбрость.

Еще бешеной помчались кони в обратный путь, словно чуяли, что везут для возмездия своего кровного врага.

Верстах в двух от Панычева, среди необозримой степи, мужики слезли с возов—и началась расправа. Повозка, на которой сидела Степанида, стояла в стороне, и Панас не видел своей милой. А Степанида жадными, пылающими глазами следила за всем, что происходило. Всякий, случайно взглянувший на нее в этот момент, не затруднился бы сказать, что она—безумная.

Она видела, что появилась «мазница» с дегтем,

что между Панасом и земляками происходила отчаянная борьба, слышала потом частые удары батога, отчаянные крики Панаса и неистовые ругательства земляков, в которых припоминались все преступления Панаса, все изъяны, какие он нанес вскормившему его селу; припоминалось и то, что он «опозорил и бросил молодицу, которая была примером прочим».

— А-га-га-а! — раздался среди ночной темноты бешеный женский крик, и Панас, несмотря на удары, ругательства и страшную боль, услышал крик и оглянулся.

В темноте ему почудился образ Степаниды, вся ее фигура во весь рост, стоящая на телеге. Он сжал кулаки и заплакал от злости, потому что понял ту роль, какую играла его любовница в этой истории.

Но Степаниды уже не было на телеге. Путаясь в собственном платье и спотыкаясь на каждом шагу, не видя впереди ничего, кроме своего позора, который, наконец, ее собственным предательством был доведен до последнего предела, она мчалась туда, где берег Днепра был наиболее высок и каменист и где внизу нельзя было различить ничего, кроме грозного шума вечно катящейся волны. Добежав до берега, она остановилась только на одно мгновение для того, чтоб осенить себя крестом, и тотчас же вместе с своим позором похоронила и себя в днепровских волнах.

Панаса оставили на воле, и только ему известно, с какими муками к утру дополз он до шатра «вер-

ного человека», — обнаженный, избитый, измазанный дегтем и укатанный в пыль, смешанную с песком, и какой обет дал он себе в ту ужасную ночь.

С тех пор прошла целая зима, и настала новая весна, такая же молодая и зеленая, как и прежние весны. Землянка Параски стояла с заколоченными окнами и навсегда запертой дверью. Ни разу не светился в ней огонь с той памятной ночи, когда схватили и увезли Панаса. Тотчас после того, как Панаса вывели из хаты, бабы выбежали на улицу и, не помня себя от страха, ничего не видя во тьме, разбежались в разные стороны и больше уже не встречались. Фроську видели после того на балке просящей милостыню. Параску однажды нашли на улице города полураздавленную извозчицей телегой, под которую она попала в пьяном виде. Ее привезли в участок, а оттуда отправили в больницу, где она через несколько часов отправилась на тот свет. Сонька долго блуждала по городским улицам и кончила тем, что вернулась на старое место, где некогда продала всю себя за кусок мяса и стакан водки.

Панаса уже больше никто не видел при обыкновенной обстановке. Он не появлялся даже в шатре «верного человека», чем приводил в уныние весь мирный цыганский табор. Но однажды его увидали в час глубокой, темной ночи эффектно освещенным ярким заревом пожара. Эффектность картины дополнялась

страшным движением народа, криками, плачем, неимоверной толкотней и давкой.

В Панычеве в эту ночь было разом два пожара. Горели в одном конце сарай, скирды сена и соломы на дворе матушки, в другом — обильный ток Семена Мурашки. Все смешалось тогда в безумном движении; только багровое небо неподвижно глядело с своей далекой вышины, да Панас, стоя поодаль и взявшись в боки, с невозмутимым спокойствием любовался делом рук своих, как художник, любующийся своим лучшим созданием.

Он осуществлял обет, который дал себе в ту ночь, когда, избитый и униженный, полз в шатер «верного человека». Ему не приходила в голову мысль убежать, скрыться.

Ему до боли надоело жалкое, преступное, обидное существование. Он боялся только одного — что его возьмут слишком рано, не дав доглядеть, как до тла, до последней соломинки сгорит матушкино достояние.

С невыразимым наслаждением глядел он на бесполезные усилия половины батюшкиных прихожан, без толку разламывавших крышу сарая, бегавших с шестами, с вилами, кричавших, охавших и пытавшихся при помощи ведер затушить клокочущее пламя. Вон Улита бессмысленно бежит вокруг кухни, размахивая руками и оглашая воздух дикими воплями. Вон Степка-дурак пытается вытащить из загоревшейся

конюшни пару уздечек, тогда как тройка лошадей осталась там и задыхается, окруженная непроницаемым дымом, а вот одна из них бешено вырвалась из пламени и, обезумевшая, мчится сквозь толпу, сбивая с ног и раздавливая людей... По двору бегают все знакомые, все панычевцы, которых он ненавидит всем сердцем. Всех, всех... кроме разве одного Еремы с Мариной и Горпиной... И что-то заняло внутри у него, когда он вспомнил об этих людях... Ни позор, ни пьянство, ни разврат—ничто, ничто не могло заглушить в нем теплого чувства благодарности к этим людям за один, всего только один в его жизни день, вполне счастливо и беззаботно проведенный в их бедной хате.

Наконец, его заметили. Вся нестройная толпа, казалось, на миг позабыла о пожаре и кинулась в ту сторону, где стоял Панас. Странное дело! На него не накинлись, не прокололи его вилами, не разорвали его на части. Вид его глубоко поразил панычевцев. Они никогда не видели такого худого, изможденного, страдальческого лица, таких блестящих больших глаз, такой жалкой, изодранной одежды. Он походил на страшное привидение, и многие из панычевцев, глядя на него, дрожали, вспоминая давнишнюю рыбную ловлю и мысленно спрашивая себя: уж не был ли тогда к ним послан дьявол в образе человека?

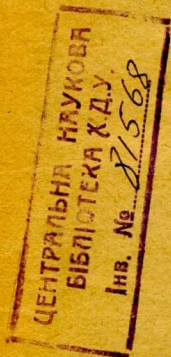
— Берите, земляки! Будет с меня! Э-эх! Теперь

хотя бы опять в прорубь!—промолвил Панас сухим, беззвучным голосом.

Многие отвернулись, другие, сами не зная отчего, заплакали, а третьи крестились, но нашлись и благоразумные люди, которые подошли к Панасу и взяли его.

На этот раз он был передан властям.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Часть первая:	
Глава I—Дьявольское наваждение	3
» II—Чудо раз'ясняется	11
» III—Панас представляется своим благодетелям	19
» IV—Матушка принимается за воспитание Пана- наса	25
» V—Панас становится необходимым	31
» VI—Новый круг обязанностей	34
» VII—Панас дурно влияет на поповича	38
» VIII—Панас получает сюрприз	41
» IX—Повышение	48
» X—Степанида Ковалиха	53
» XI—Подарки	58
» XII—Старые друзья	63
» XIII—Первый шаг	69
Часть вторая:	
Глава I—Веселые люди	77
» II—Темные ночи	89
» III—Хозяйский глаз	97
» IV—«Свой брат»	110
» V—Теплая хата	119
» VI—Сонькина карьера	125
» VII—Носильщик	137
» VIII—Панычевские события	148

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“

Москва. Б. Дмитровка, 10. Тел. 73-32.

БИБЛИОТЕКА „ЗЕМЛИ И ФАБРИКИ“

Вышли из печати:

1. Т. Г. Шевченко. Запретный кобзарь (распрод.).
2. Н. С. Ашукин. Декабристы. Цена 45 коп.
3. Песни труда, борьбы и воли. Цена 35 коп.
4. А. И. Свирский. Записки рабочего. Цена 40 коп.
5. Его же. Из мрака прошлого. Цена 80 коп.
6. Михаил Волков. Райское житие. Цена 30 коп.
7. А. М. Хирьяков. Человек, которого зовут Антоном (жизнь калмыка).
8. Михаил Волков. Дубье. Сборник рассказов.
9. И. Н. Потапенко. Человек из проруби. (Из хроники южно-русского села).

Печатаются:

10. А. Н. Свирский. Убийца. Сборник рассказов (5-е издание).
11. М. Сивачев. Желтый дьявол. Повесть. (2-е издание).

СЕРИЯ „ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ ТРУДА“

под ред. Вл. А. Попова.

Сборник 1-й—Бог-динамо. Цена 35 коп.

„ 2-й—Рулевой. Цена 45 коп.

- Сборник 3-й—Через море огня. Цена 45 коп.
" 4-й—С полой водой. Цена 55 коп.
" 5-й—Голодная зима. Цена 55 коп.
" 6-й—Корабль смерти. Цена 55 коп.
" 7-й—В Сильвасах Бразилии. Цена 70 к.

Печатаются:

- Сборник 8-й—Строители небоскребов.
" 9-й—На коралловом острове.

СЕРИЯ „ТРУЖЕНИКИ МОРЯ”

под ред. Вл. А. Попова.

Вышли из печати:

- Сборник 1-й—Светочи моря. Цена 60 коп.
" 2-й—Странники моря.

Готовятся к печати:

- Сборник 3-й—Жнецы моря.
" 4-й—Подводные люди.
" 5-й—Морские охотники.
" 6-й—Герои морских берегов.

МАГАЗИН И СКЛАД БУМАГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Москва, Охотный ряд, д. 1.

Книжным магазинам и складам — обычная скидка.

Вышел из печати полный каталог изданий.

